

— Ну всё, всё, глупыш, — доктор Джессини убрал пустой шприц. — Голосистый же ты! На моей свадьбе пушечный залп и то тише бабахнул.

Маленький дракончик, мелко дрожа, забился в объятия Лейвина. Он изо всех сил вцепился коготками в рубашку эльфа, безжалостно сминая тонкую ткань.

«Негодяи. Какая гадость!»

«Жалкие людишки! Что они себе позволяют?!»

Иглу давно вынули, но в попке всё ещё противно ныло. Чешуя там пока не выросла, зато кожа была мягкой и пухлой — идеальное место для укола.

[Поздравляем! Вы выполнили задание «Послушный пациент»]

[Награда отправлена на ваш счёт. Текущий баланс: 1170 драконьих монет, 36 кристальных алмазов]

[Замечательно, дракончик! Совсем скоро жар спадёт, и ты снова сможешь резвиться!]

[Для первого в твоей жизни укола ты держался невероятно храбро!]

— Ну держи, Дубиду, крошка моя, — Анна протянула ему маленькую зефирку. — Это награда для самых послушных деток.

Дракончик даже ухом не повел. Он лишь глубже уткнулся носом в грудь Лейвина, всем своим видом демонстрируя вселенскую обиду и глубокое презрение к миру.

— Кажется, он без ума от вас, — с мягкой завистью улыбнулась Анна, передавая зефирку эльфу. — После укола лучше немного посидеть в зоне ожидания. Как только жар спадёт, сможете идти домой.

— Спасибо, — мягко улыбнулся Лейвин.

Лейвин перенёс Ланьдуна в просторную комнату отдыха. Здесь повсюду копошились другие малыши: кто-то всю капризничал, кто-то тихо сопел во сне. Для уставших родителей у стен стояло несколько детских люлек, где можно было ненадолго оставить кроху, чтобы дать отдых рукам.

Устроившись у окна, Лейвин так и не решился положить дракончика в люльку. Он продолжал держать его на руках, баюкая и нежно похлопывая по вздрагивающей спинке каждый раз, когда тот судорожно вздыхал.

— Всё хорошо, маленький. Скоро всё пройдёт, потерпи ещё чуточку.

С самого момента вылупления Лейвин впервые видел своего Дубиду безутешно рыдающим. Обычно дракончик отличался удивительным спокойствием: почти никогда не капризничал и мирно спал по ночам. Из-за этого у эльфа даже сложилось ложное впечатление, будто все драконы от природы невероятно покладисты.

Оказалось, нет — они тоже умеют плакать.

Впрочем, глупо было ожидать стальной стойкости от новорождённого крохи. Вид плачущего Дубиду вызывал в душе Лейвина лишь щемящую нежность.

Продувшись около четверти часа, Ланьдун постепенно пришёл в себя и заёрзал, выказывая недовольство. Он отталкивал Лейвина лапками и сердито хлестал хвостом по сторонам, изо всех сил пытаясь высвободиться.

«Нана предал меня. Всё, теперь я его ненавижу!»

Делать нечего, пришлось Лейвину опустить его в люльку. Дракончик юркнул на мягкий матрас, попытался было свернуться калачиком, но уколота попка тут же напомнила о себе. С обиженным писком ему пришлось улечься на живот.

— Дубиду, держи зефирку, — Лейвин снова протянул ему лакомство.

Дракончик демонстративно отвернулся, раздражённо помахивая кончиком хвоста.

[Дракончик, он ведь просто хотел тебе помочь. Он не собирался причинять тебе боль.]

[Лекарство в шприце нужно для того, чтобы ты поскорее поправился.]

«Неужели?»

Кончик хвоста стал покачиваться заметно медленнее.

«Но всё равно... Я же опозорился! Великий дракон — и так разревелся!»

Конечно, давным-давно, в его далёком настоящем детстве, у него тоже бывали постыдные моменты, когда он носился кругами, пуская мыльные пузыри из слёз и соплей. Но стоило ему повзрослеть, как те тёмные времена были надёжно погребены в глубинах памяти.

**[В этом нет ничего постыдного, дракончик! Ты сейчас в таком нежном возрасте, когда глазки

то и дело на мокром месте.]**

[Плакать от боли — совершенно естественная реакция для любого живого существа.]

[К тому же твоему опекуну наверняка хочется, чтобы ты почаще ластился к нему и искал утешения.]

«Хм, ещё чего! Ни за что на свете!»

Хвост дракончика совершил ещё один ленивый взмах. Однако взгляд его волей-неволей скользнул к зефирке. Недавно он уже пробовал кусочек сладости из игрового автомата — она была такой воздушной, умеренно сладкой, да ещё и с нежной начинкой внутри.

Лейвин, заметив этот взгляд, пододвинул угощение ещё ближе:

— Правда-правда не хочешь?

«Хочу...»

Но упрямая гордость взяла верх: дракончик вновь уткнулся носом в лапки.

— Прощу прощения, — раздался робкий женский голос. — Не могли бы вы приглядеть за моим крохой буквально пару минут? Мне очень нужно отлучиться в уборную...

В руках она держала мирно спящего малыша лет двух-трёх. Добросердечный Лейвин без лишних слов бережно принял сонного ребёнка.

— Огромное спасибо! — зашептала женщина и поспешно скрылась за дверью.

Почуввав чужой запах, чужой ребёнок зашевелился и вот-вот готов был разрыдаться. Лейвину пришлось подняться на ноги. Всю жизнь прожив в одиночестве, он совершенно не представлял, как обращаться с человеческими детьми. Немного поколебавшись, он тихонько запел колыбельную.

Волшебный голос эльфа подействовал безотказно. Стоило ему напеть первые строчки, как сонная нега окутала не только капризного подкидыша, но и остальных детей в комнате. Спев пару куплетов, Лейвин ласково глянул в сторону люльки, высматривая своего дракончика.

И тут же наткнулся на ответный взгляд. Из-за бортика люльки торчала маленькая угольно-чёрная макушка.

Его вертикальные зрачки так и сквозили могильным холодом.

Дракон демонстративно — с громким «вжих!» — задвинул над собой плотный складной козырёк люльки.

Лейвин растерянно моргнул. Он с надеждой покосился на дверь, и, к его великому облегчению, молодая мама как раз торопливо возвращалась назад.

Поскорее вернув ей младенца, эльф поспешил к своему обиженному чуду и присел у люльки на корточки, пытаясь заглянуть под навес.

Маленький чешуйчатый бунтарь лежал пластом, укрыв пострадавшую попку пушистым кончиком хвоста, и старательно притворялся спящим.

— Завидую я вам, ваш малыш так спокойно спит в кроватке, — вздохнула женщина, устраивая сына поудобнее. — Мой-то с рук вообще не слезает, стоит положить — сразу в крик. Обычно мы с мужем по очереди его носим, да только он сегодня ушёл в горы на смену... Ой, что-то случилось, господин эльф?

— Мой кроха... — Лейвин грустно опустил длинные золотистые ресницы. — Кажется, он до сих пор на меня ужасно обижен.

Ближе к полуночи они вернулись в лесную хижину. Жар у Ланьдуна наконец-то спал.

Пока температура спадала, бедняжка сильно вспотел. Оказавшись дома, он попытался скинуть тёплую фланелевую пелёнку, но Лейвин строго-настрого запретил её снимать. В итоге дракончику пришлось носиться по комнате в виде смешного шерстяного свёртка, устроив охоту на кролика. Видимо, все дети, стоит им хоть немного пойти на поправку, тут же требуют игр и развлечений.

Чтобы поберечь силы больного, Лейвин сам поймал Белоснежку и усадил перед ним. Уже через минуту по комнате разносился тихий драконий кашель, перемежающийся увлечённым лепетом: Ланьдун затеял игру в доктора.

Разумеется, роль великого целителя досталась самому дракону, а несчастной Белоснежке пришлось примерить роль пациента. Белая крольчиха сидела со своим обычным отсутствующим видом, но, кажется, уже смирилась со своей участью и послушно замерла на полу.

Нацепив игрушечный стетоскоп, маленький лекарь с самым серьёзным видом выслушал грудь и пушистый живот кролика, после чего вынес суровый вердикт:

— Придётся делать укол! Положение критическое, в вашем случае нужно не меньше трёх

инъекций!

[... Ну ты и злюка, дракончик!]

Система, едва вернувшись в сеть, ошеломлённо застыл при виде этой картины.

К сожалению для Белоснежки, ничего похожего на настоящий шприц под лапу Ланьдуну не попало, так что колоть пришлось воображаемой иглой. В точности копируя манеру доктора Джессини, он лихо вогнал три порции невидимого лекарства — прямо вжик, вжик и вжик!

— Вот и умница, образцовый пациент, — дракончик довольно поднялся на задние лапки и потрепал по ушам трижды «уколотую» крольчиху. — Из всех больных в нашей клинике ты держишься лучше всех. Уступаешь разве что Дубиду и На... Хм, хотя нет. Ты даже храбрее, чем этот трусишка Нана.

Лейвин мягко поглядел на него сверху вниз, но кроха даже бровью не повёл. Он лишь плотнее обернулся хвостом, сохраняя неприступный и крайне независимый вид.

— Дубиду, время спать, — эльф ласково склонился над ним и взял на руки.

Ланьдун честно попытался брыкнуться, но после изнуряющей лихорадки силёнок совсем не осталось, и ему пришлось безропотно перебраться в гамак. Стоило малышу закашляться, как верёвочная постель начинала мерно раскачиваться из стороны в сторону.

[Бедный мой дракончик, кажется, простуда одолела тебя окончательно.]

[Спи сладко и поправляйся поскорее.]

Увы, быстро пойти на поправку оказалось не так-то просто.

Малыши всегда переносят хвори тяжелее всего. Хотя жар у Ланьдуна прошёл, буквально через пару дней начался сухой изнуряющий кашель, который не давал ему покоя ни на минуту, особенно по ночам.

Лейвину приходилось подниматься по несколько раз за ночь. Он бережно прижимал к себе задыхающегося от кашля дракончика, мерно прохаживался по комнате, баюкая его и ласково поглаживая по спине. Поил тёплой водой и тихим, убаюкивающим голосом напевал колыбельные.

Поначалу Ланьдун капризничал и упрямился, не желая принимать заботу. Но когда он утыкался носом в тёплое плечо эльфа, удушливые приступы отступали, дышать становилось легче, а боль в груди утихала.

К тому же в объятиях эльфа было так тепло — куда уютнее, чем в одиноком холодном гамаке. Подобно тому как Ланьдун перенял в больнице повадки врача, Лейвин, подглядев за другими родителями в приёмном покое, научился укачивать младенцев. Он бережно баюкал крошечного дракончика в кольце рук, заменяя ему колыбель.

Постепенно кашель стихал, и Ланьдун проваливался в зыбкий сон. Но даже когда тот засыпал, Лейвин не отходил ни на шаг, чутко карауля покой маленького разбойника и поправляя одеяльце каждый раз, когда тот пытался скинуть его во сне.

На следующий день, ближе к вечеру, в хижину наведася доктор Джессини, чтобы лично проверить состояние больного.

Стоило лекарю переступить порог, как дракончик разразился яростным, предупреждающим шипением. При любой попытке приблизиться малыш в панике пятился назад, пока наконец не взлетел под самый потолок, угнездившись прямо на деревянном корпусе настенных часов.

Доктору Джессини за долгие годы практики доводилось лечить сотни капризных ребятишек, и его ненавидели многие из них. Но чтобы настолько искренне и свирепо — такое с ним случалось впервые. Ему стало даже немного обидно.

Лейвину пришлось изрядно постараться, чтобы выманить хитрюгу со стратегической высоты сочным кусочком мяса. В итоге осмотр проходил под мерное чавканье: дракон сосредоточенно жевал угощение, пока доктор осторожно выслушивал его грудку.

— Простуда засела глубоко, — вздохнул доктор Джессини, убирая стетоскоп. — Судя по симптомам, кашель затянется на месяц-другой, и по ночам приступы будут усиливаться. Опасности для жизни нет, но эта напасть вполне может промучить его до самой весны.

Глядя на съёжившегося на кровати чёрного дракончика, который от кашля содрогался всем телом, Лейвин чувствовал, как от жалости и тревоги сжимается сердце.

— Пойдите, у меня кое-что есть, — доктор Джессини выудил из кармана сложенный лист пожелтевшего пергамента. — Я тут перерыл свои старые записи и нашёл один старинный рецепт. Он должен облегчить состояние Дубиду, но есть одна загвоздка...

Лейвин принял пергамент. На потрёпанной бумаге торопливым, неразборчивым почерком были набросаны названия целебных трав и их точные пропорции.

— Обычным лекарям эти растения не сыскать, — нахмурился Джессини. — Да и в больнице Святой Елизаветы отродясь не держали редких сушёных кореньев. Но я слышал, что эльфы — непревзойдённые знатоки природы. Может, вам эти названия о чём-то скажут?

— Да, я знаю их, — кивнул Лейвин, внимательно изучив список. — И смогу без труда отыскать их в Туманном лесу.

Вот только...

Они одновременно перевели взгляд на панорамное окно хижины.

После первого сильного снегопада за окном простиралось безмолвное белое царство. Туманный лес дремал, укутанный пушистыми сугробами, и до самого горизонта тянулась бесконечная, ослепительно-чистая снежная пелена.

<http://bllate.org/book/18363/1796810>